

зиции христианству. Эта оппозиция существовала, особенно в деревне, где, например, культ предков был очень силен по традиции от родового порядка. В конце XI в. в крупнейших городах появляются волхвы: в 1071 г. в Киеве, в 1074—1078 гг. в Новгороде, в 1091 г. в Ростове.

К сожалению, сохранились лишь ничтожные остатки росписей интересующего нас периода и его стиля. Ни на юге, ни на западе древней Руси в этом отношении не сохранилось ничего, и мы должны обратиться к Новгороду.

Повидимому, вскоре после построения собора Антониева монастыря он был расписан. В конце XIX в. эти росписи были открыты при ремонте собора и тогда же испорчены. В 20-х годах XX в. удалось раскрыть и реставрировать некоторые фрагменты в алтарной части храма. Здесь имеются как отдельные фигуры в рост и погрудные в медальонах, так и сцены из евангельской истории. Особенно интересны фрагменты из истории Иоанна крестителя.

Фрески имеют отличия не только от новгородских, но и других русских. Справедливо было указано на близость к западной, романской живописи. Несмотря на относительную плоскостность формы, мы видим моделировку желтоватых ликов красноватыми и коричневыми тенями, ступеньвающими форму в единое пластическое целое; намечается фактура мазков, мягко переходящих друг в друга. Особенно интересен юноша, копающий землю, в изображении «Обретения главы Иоанна крестителя» (№ 42). Мягкие волосы, падающие на затылок, теневая сторона лица, не впадающая в контурность, блики света на лбу, носу, щеках, подбородке и шее — все эти черты воспроизводят почти реалистический образ.

Этому способствовала тематика. Другие фигуры (см., например, Иродиаду) также, хоть и в меньшей степени, носят черты примитивной пластики и реализма, однако далекого от иллюзионизма эллинистической традиции византийского искусства.

Росписи Нередицы 1199 г., выполненные по заказу князя Ярослава Владимировича, совершенно не имеют вышеупомянутых черт стиля и чужды традициям Киева и Владимира. Росписи в своей тематике связаны с прославлением княжеского рода.

В люнете северного фасада помещено интереснейшее изображение Успения с древнейшими представителями княжеского рода по сторонам, Владимиром и Ольгой.

Рис. 42. Фреска Антониева монастыря.
Нач. XIII в. Голова юноши

Среди изображений святых в храме находятся, вероятно, и князья; это фигуры святых воинов и другие в обрамлениях в виде арок на северной и южной стенах храма. Иногда намек на князя дается изображением на голове кесарского венца (см. Федора Стратилата, № 43 и др.).

Отдельные символические изображения дешифруются путем родственных княжеских отношений, в частности к семье владимирского вел. кн. Всеволода III. Таков погрудный Деисис в медальонах, т. е. христос, по одну сторону которого находится Претеча, а по другую Марфа вместо Марии. Наконец, в аркосолии западной части южной стены, где обычно

помещались погребения ктиторов, изображен князь Ярослав (№ 44), подносящий сидящему христу церковь, — обычная ктиторская сцена, хорошо известная и в византийском и западном искусстве.

Одежда князя представляет исторически установленный княжеский костюм из византийских парчевых тканей (аксамит?), а также типичную княжескую шапочку, опущенную мехом. Но лицо Ярослава вряд ли имеет сходство с оригиналом. Стоит сравнить его с известным изображением семьи Изяслава в изборнике 1073 г., чтобы видеть, как схематизм господствует в структуре носа, особенно же глаза и овала лица. Перед нами общий тип князя-«средовека», иконографически восходящего к схематической иконографии византийского императора, но без всяких черт иллюзионизма. Схематизм и абстракция церемониального портрета Нередицы отзываются восточным стилем, который вообще типичен для Нередицы.

Рис. 43. Фреска Нередицы. 1199 г. Федор

Сильное впечатление производят росписи Нередицы в целом, а также и одинокие фигуры святых, представленные главным образом *en face*, без всякой связи друг с другом. В немногих сценах бедность обстановки и отсутствие движения создают монотонность. Изредка встречающиеся движения и жесты кажутся застывшими. Сюда присоединяется и колорит немногих тонов —

Рис. 44. Фреска Нередицы. 1199 г. Князь Ярослав перед христом

серого, пепельного, бледножелтого, буроземлистого. Складки одежд и моделировка лиц и рук исполнены широкими мазками. Сила впечатления связана с обобщением, в котором заметно некоторое подражание мозаике (см. ангелов, № 45). Христос трактован в самых различных образах: «Ветхого днями», нерукотворных

спасов в двух вариантах — византийском в типе Завеса (на пестрой ткани, № 46) и восточном (№ 47), христа-священника и др.

Наиболее поразительно изображение Лазаря (№ 48). Мертвый лик, как у выходца с того света, изобразен симметрично расположенными морщинами.

Следует отметить, что принцип плоскостности не свойственен росписям Нередицы. Весь стиль росписей представляет примитивизм. Одни образы иллюстрируют князей (см. выше), другие, особенно старцы (№ 49), намекают на живучесть культа предков и традиций родового строя (сюда относится и идея «Ветхого днями»).

На западной стене представлен страшный суд в репрезентативной композиции с фигурами короткими и большеголовыми, в одеждах, испещренных условными складками и игрой тяжелых контуров. Среди отдельных сцен интересно «Крещение» (№ 50), в котором строгость чисто восточной симметрии и абстракции сочетается с обычным на Востоке натурализмом (относительным) в деталях — среди группы ожидающих крещения один скидывает рубашку, другой бросается в воду.

Никакого реализма в этом нет, ибо нет в изображении реального пространства и соотношения фигур. Христос больше всех, Иоанн и ангелы справа и слева — меньше, принимающие крещение очень малы. Примитивная иерархия величин, типичная для восточного искусства, царит во всех сценах, лишенных внутреннего движения. Каждое лицо — не темперамент или психологический тип и не индивидуальность или характер, а символ иконографической типологии. Нередица в дальнейшем стала неисчерпаемым источником новгородского искусства.

Знаменитая икона Знамения, из новгородского Знаменского собора, XII в., сохранила свою древнюю живопись лишь на обратной стороне (№ 51). Как известно, икона связана с легендой о победе новгородцев над суздальцами, осаждавшими Новгород под предводительством Андрея Боголюбского.

Апостол Петр и мученица Наталья, указывающие на заказчиков иконы, изображенные на ее обратной стороне, несут следы стиля, близкого скорее к антониевским, чем нередицким росписям. Но последним в точности соответствуют поклоняющиеся и симметрично стоящие ангелы на обратной стороне Нерукотворного

Рис. 45. Фреска Нередицы. 1199 г Ангел

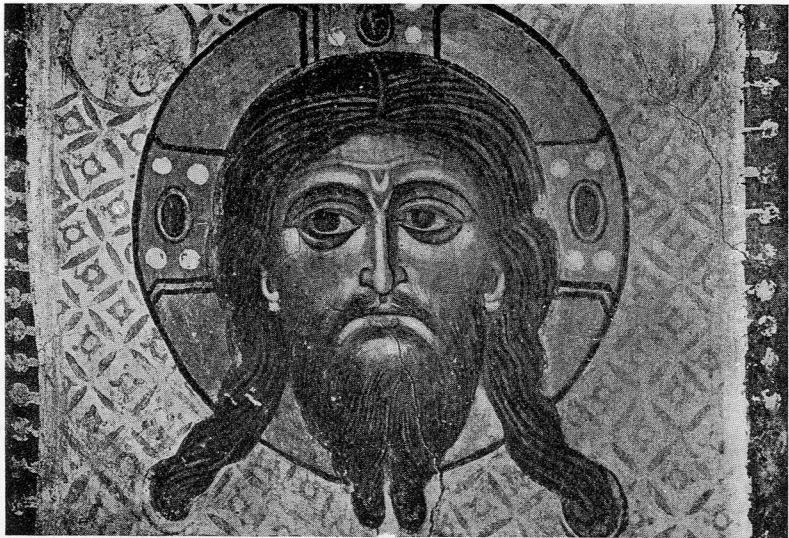

Рис. 46. Фреска Нередицы. 1199 г. Нерукотворный спас

Рис. 47. Фреска Нередицы. 1199 г. Нерукотворный спас

Рис. 48. Фреска Нередицы. 1199 г. Лазарь

Рис. 49. Фреска Нередицы. 1199 г. Старец

Рис. 50. Фреска Нередицы. 1199 г. Крещение